

За одной ночью страстных объятий неизбежно последовала вторая. Шитоу не знал, как отвечать на расспросы Бессмертного владыки, но, раз вкусив сладость, уже не мог оторваться и постоянно лънул к Янь Чичэну. Он больше не походил на бесчувственный, неотесанный булыжник — скорее на семя, которое сбросило жесткую скорлупу, пробило тонкую кожицу и выпустило нежные, гибкие побеги. Обвивая тело Янь Чичэна, он расцветал в его руках, пылко и робко одновременно.

Шитоу даже перестал так сильно бояться владыку. Пусть при взгляде в эти бездонные черные глаза в душе все еще шевелился трепет, теперь он предпочитал прятать лицо у него на груди. Перебирая темные пряди Янь Чичэна, он ластился, терся щекой о шелковистые волосы и капризно шептал:

— Ну приласкай же меня, скорее.

Янь Чичэн любил целовать его, прикрывая ладонью глаза, любил ласкать — медленно, от макушки до самых кончиков пальцев ног, словно балуя любимого питомца. Руки Бессмертного владыки оставались холодными, и когда его пальцы касались горячей кожи на шее, изгиба талии, подколенных впадин или тонких щиколоток юноши, тот вздрагивал, точно испуганный зверек. Но миг — и он снова лънул к этому холоду, не желая отпускать.

Развалившись на ложе, Шитоу прикрыл глаза рукой, а другой лениво очерчивал контур тонких губ Бессмертного владыки.

— Чем ты занят в последнее время? — хриловато и томно спросил он. — Приходишь только по ночам. Днем я томлюсь в одиночестве на этой огромной постели, и мне даже не с кем предаться любовным утехам.

Янь Чичэн вложил ему в рот спелую черешню. Шитоу шутки ради вытолкнул ягоду кончиком языка. Владыка перехватил его подбородок, мягко провел большим пальцем по пухлой нижней губе и, ласково укоряя, заставил проглотить сочную мякоть. А затем беззвучно, одними губами, произнес:

— Ничем особенным. Лишь собираюсь обрушить небесное бедствие на школу Улин.

— И чем же школа Улин тебе досадила? — любопытствовал Шитоу.

— Ничем, — качнул головой Бессмертный владыка Янь. — Просто пришло время сменить там главу.

Больше Бессмертный владыка Янь об этом не заговаривал. Когда настал день небесного бедствия, он не стал предупреждать Шитоу и даже не вышел из покоев. Какая-то гроза для него ничего не значила: ветра поднимались и тучи рассеивались по одному лишь его желанию. Стоило ему прикрыть глаза, сидя у окна, как мир смертных на трое суток погружался во тьму, лишаясь солнца и луны.

Зато Шитоу изнывал от любопытства. От безделья он совсем потерял покой, поэтому, едва небо

заволокло тучами, выдумал первый попавшийся предлог и улизнул наружу. Он привычно взобрался повыше на раскидистое дерево утун, сотворил заклятие Взирая на Небеса и принялся сквозь стену дождя наблюдать за учениками Улин.

Глава школы Юй Суцин стоял на краю утеса, подставив лицо порывам ветра. За его спиной замерли двести двенадцать учеников Улин. Тот, что стоял во главе строя, отличался поразительной красотой. Шитоу помнил его лицо и знал, что зовут юношу Сюэ Линцзином.

Юй Суцин подозвал Сюэ Линцзина ближе и тихо заговорил с ним. Шитоу не расслышал слов, но заметил, как тень тревоги скользнула по лицу юноши, тут же сменившись непреклонной решимостью. Сюэ Линцзин кратко ответил учителю.

Юй Суцин покачал головой и добавил что-то еще. В этот миг небеса пришли в движение, подул резкий ветер, и черные тучи окончательно застлали солнце. Глава школы махнул рукой, отпуская ученика. Сюэ Линцзин повернулся и зашагал обратно к строю, то и дело оглядываясь на наставника.

— Шуй-нян, ты слышишь, о чем они толкуют? — с любопытством спросил Шитоу.

Шуй-нян поднялась из глубин Озера Малого Зеркала и, обвившись вокруг ветки рядом с ним, прошептала:

— Молодой господин Се, глава Юй дает последние наставления перед смертью.

— С чего бы это? — Шитоу подпер подбородок ладонью и удивленно захлопал ресницами. — Неужели он чувствует свою кончину? Но ведь Янь Чичэн только-только все решил!

— На его душе висит тяжелая карма, — Шуй-нян сделала пару кругов в воздухе возле юноши и плавно закружилась на месте. — Должно быть, он и сам давно обо всем догадывался.

Сердце Шитоу болезненно сжалось. Повинуясь смутному порыву, он спросил:

— А что вообще такое эта карма?

Шуй-нян покачала головой:

— Я и сама не ведаю доподлинно. Должно быть, это что-то схожее с тем, что простые смертные величают «грехом».

Шитоу промолчал. Он лишь слегка подался вперед, и его взгляд, устремленный на Юй Суцина, стал чуть серьезнее.

Облаченный в белоснежные даосские одежды, с безупречно уложенными волосами под нефритовым венцом, Юй Суцин стоял, со сложенными в даосском приветствии руками перед

лицом бледной луны. Легким движением он вскинул фучэнь, опустив белоснежный хвост метелки на левое предплечье. За его спиной в строгом безмолвии замер круг из двухсот с лишним учеников. Опустив взоры, они держали в одной руке обнаженные мечи, а пальцы другой сложили в ритуальном жесте заклинания.

— А эти детишки неглупы, — улыбнулась Шуй-нян. — Они замыслили отразить небесное бедствие с помощью Формации Искоренения Зла.

— Формация Искоренения Зла? — заинтересовался Шитоу. — Как это понимать? Небесная кара ниспослана самими небесами, разве можно усмирить ее, точно какую-то нечисть?

Шуй-нян ласково заговорила, взмахнув ладонью. Из озерной глади поднялась водяная сфера, внутри которой беззаботно плавала крошечная рыбешка:

— У этой формации множество тонкостей. Если говорить просто, эти две сотни детей сплетут волю своих клинков в единый круг. Когда молния ударит в него, она окажется взаперти, подобно этой рыбешке.

С этими словами она щелкнула пальцами. Рыбешка метнулась вперед, словно крошечный кинжал, и пробила водяную стенку. На мгновение в сфере образовалась брешь, оставив за собой шлейф мелких пузырьков, но уже через долю секунды вода вновь сомкнулась, став прежней.

Шуй-нян напевно продолжила:

— «Пленить одного, дабы сразить другого; сразить одного, дабы пленить другого. Убыль и прибыль сменяют друг друга в строгом порядке, праведный путь искореняет зло, и битва эта не прекратится, пока дышит враг» Каждый удар небесного грома, разящий ученика, будет пробивать брешь в защите. Но чтобы закрыть прореху, строй породит еще более мощные волны духовной силы клинков, сдерживая натиск молний. В битвах с нечистью этот способ хорош, когда нужно забрать врага с собой в могилу. А вот устоит ли он против воли самих Небес — ведать не ведаю.

Шитоу неподдельно изумился:

— Одного я не пойму: неужто жизнь этого Юй Суцина ценнее жизней двух сотен его учеников?

Шуй-нян печально вздохнула:

— Мне этого тоже не постичь. У смертных вечно всё так запутано. То они делят всех на благородных и чернь, то на близких и чужаков. В один день они готовы пожертвовать собой ради спасения многих, а в другой — кладут сотни жизней ради одного-единственного человека. Кто разберет их причуды?

Шитоу хлопнул в ладоши и весело рассмеялся:

— И то верно! Две сотни глупцов добровольно идут на убой ради одного старика, мня себя великими праведниками и героями. А старик, напротив, пытается прогнать их прочь, тоже корча из себя благородного спасителя. Сами договориться не могут, а туда же — каждый лезет геройствовать. На редкость забавное и в то же время напрочь лишённое смысла зрелище!

— Негоже мешать забавное с бессмысленным, — поспешила поправить его Шуй-нян. — И вам, молодой господин Се, не стоит так легкомысленно бросаться словами.

— А мне нравится, — Шитоу надул губы и беспечно свистнул, после чего снова уставился на грозное небо. — Что же Янь Чичэн медлит? Неужто силенок не хватает?

Не успел он закончить фразу, как чьи-то до боли знакомые руки крепко обняли его за талию. Шуй-нян тихо ахнула и, смущенно покраснев, поспешила скрыться с глаз, целомудренно прикрыв рот ладонью.

Шитоу робко обернулся и столкнулся взглядом с Бессмертным владыкой в темных одеждах.

— Что такое? — Шитоу прикрыл ладонью глаза и шутливо состроил рожицу. — Неужто сам великий Бессмертный владыка Улин боится грозы?

Договорить он не успел: небеса расколол оглушительный удар грома. Шитоу вздрогнул всем телом, словно от удара током, и мертвой хваткой вцепился в Янь Чичэна.

Янь Чичэн с мягкой улыбкой ответил:

— Да. Это я до смерти боюсь грозы.

Шитоу был готов разрыдаться от досады, но поспешил оправдаться:

— Честное слово, раньше я никогда не боялся грозы!.. — при этом он продолжал судорожно сжимать воротник владыки, дрожа как осиновый лист. — Правда не боялся! — Шитоу дернул ткань сильнее, пытаясь скрыть позор. — Да ну тебя, не смотри на меня!

— Конечно, не боишься, — ласково утихомирил его Янь Чичэн, подыгрывая. — Раньше не боялся, а уж теперь и подавно.

Но едва он договорил, небо содрогнулось от второго, еще более страшного раската. Шитоу взвыл и разрыдался, вымокший и жалкий, точно брошенное под ливнем чучело.

Янь Чичэн гладил его по спине и тихо шептал утешения, выказывая безграничное терпение. Однако на душе у Шитоу отчего-то становилось всё холоднее. Недавние слова Шуй-нян то и дело всплывали в его памяти. Он чувствовал, что упустил какую-то важную, роковую деталь, но стоило ему попытаться облечь мысль в слова, как новые раскаты грома безжалостно обрывали ход его размышлений.

Он потерял счет ударам молний и совсем забыл о стоявших позади учениках Улин. Шитоу лишь глубже зарывался в полы одеяний Янь Чичэна, пытаясь сквозь плотно зажмуренные веки уловить хотя бы слабый проблеск света, который возвестил бы о конце бури.

Прошло немало времени — Шитоу казалось, что он уже давно сжался в крошечный колючий комок, — прежде чем Янь Чичэн нежно коснулся его плеча и медленно высвободил из своих объятий.

— Что с теми людьми? — торопливо спросил Шитоу. — Они погибли?

Янь Чичэн слегка отступил в сторону. Шитоу бросил взгляд вниз и застыл в недоумении:

— Как это?.. Ни один из них не пострадал?

Там, на главной вершине горы Улин, тучи наконец разошлись, и небо озарилось радужным сиянием. Все двести двенадцать учеников по-прежнему твердо стояли с мечами в руках — целые и невредимые.

Лишь на том месте, где стоял Юй Суцин, остался выжженный след, словно от неистового пламени. На серой земле сиротливо лежали даосское одеяние, нефритовый венец и фучэнь. Налетевший порыв ветра взметнул в воздух облако серого пепла.

Лицы учеников Улин исказила скорбь вперемешку со священным гневом. Преклонив колени спиной к остальным, юноша по имени Сюэ Линцзин бережно, силясь сохранить самообладание, собирал одеяние и венец усопшего наставника. Но даже издали Шитоу видел, как покраснели его глаза.

— Значит, Формация Искоренения Зла не сработала? — хрипло спросил Шитоу.

Янь Чичэн бесстрастно отозвался:

— Кого карать? И откуда взяться злу?

Шитоу промолчал, лишь понуро уставился на носки своих сапог.

— Жалкие уловки, неугодные Воле Небес, — Янь Чичэн ласково погладил его по голове. Помолчав немного, он тихо спросил: — Се Цюши, неужели ты грустишь?

<http://bllate.org/book/18360/1798422>